

§ 13 ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ

Зобнин А.В.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИЛА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация: Статья посвящена изучению одного из феноменов современной мировой политики и международных отношений – информационной силе. Теоретические основы указанного глобального явления были заложены в конце 1990-х гг. известными американскими политологами Дж. Наем-мл., Д. Роткофом, М. Либики, Р. Соломоном, опирающимся в своих многочисленных исследованиях на работы К. Дойча, М. Кастельса, Ю. Хабермаса. С учетом имеющегося в современной политической науке методологического и теоретического инструментария, логика изучения феномена информационной силы должна быть связана с двумя парадигмами: субъектно-объектной и пространственной. Информационная сила в субъектно-объектной парадигме представляет собой форму информационного воздействия, имеющего в своей структуре технологический и психологический уровни. Информационная сила в пространственной парадигме представляет модель-антитезу информационной безопасности: если информационная сила – это действие, то информационная безопасность – это противодействие. Результатом проведенного исследования является трехмерная модель информационной силы и классификация ведущих государств мира по уровню их информационно-силового потенциала.

Review: The article is devoted to one of the phenomena of modern world policy and international relations, the force of information. Theoretical grounds of the aforesaid global phenomenon were laid at the end of the 1990s by famous American politicians Joseph Nye Jr., David Rothkopf, Martin Libicki and Solomon based on numerous researches of works written by Karl Deutsch, Manuel Castells and Jurgen Habermas. Taking into account the methodological and theoretical instruments used by modern politics today, research of the phenomenon of the force of information should be related to the two paradigms, subjective-objective and spatial. The force of information in spatial paradigm represents the model – antithesis to information security. Information force is the action while information security is the counter-action. As a result of research, the author creates the 3D model of information force and offers a classification of the leading states depending on the level of their information force potentials.

Ключевые слова: информационная сила, информационная безопасность, информационное воздействие, мировая политика, информационно-силовой потенциал, пространственная парадигма, объектно-субъектная парадигма, Дж. Най-мл., международные отношения, информационное доминирование.

Keywords: information force, information security, information influence, world (global) policy, information force potentials, spatial paradigm, objective-subjective paradigm, Joseph Nye Jr., international relations, information domination.

В новом мировом порядке информация становится ключевым компонентом социально-политической организации, а бесконечные потоки идей, проблем, решений и ресурсов составляют основную нить общественной структуры. Речь идет о появлении нового вида бытия – информационного – отмеченного самостоятельностью культуры и средств коммуникации по отношению к материальной основе

нашего существования. Эта стадия в развитии общества получила в современной науке определение «информационной эры», являющейся прямым следствием четвертой информационной революции¹.

¹ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 492-493.

Информация имеет огромное значение для развития мировой экономики и политики, представляя собой универсальный и весьма доступный человечеству ресурс. Однако не каждый индивид или субъект в международной политике способен использовать этот «виртуальный капитал»² в своём политическом курсе. В действительности информация распределяется между международными акторами неравномерно, что вынуждает их обмениваться ею в процессе коммуникативного взаимодействия.

Информация существует в мировых политических процессах как объективная реальность и проявляется в двух имманентных формах: как совокупность индивидуальных характеристик каждого международного субъекта (инфоструктура) и как отражение взаимодействий акторов в международной среде (инфопотоки). Второе бытие политической информации раскрывается в коммуникативном обмене, в процессе которого стороны оказывают друг на друга информационное воздействие. Это воздействие, с подачи известного американского политолога Дж. Ная-мл., получило определение информационной силы (англ. *information power* – буквально информационная мощь)³.

Появление нового вида силового взаимодействия – информационного – заставляет многих современных исследователей пересматривать и дополнять свои знания о силе как древнейшей категории в политике и международных отношениях. Так, в зарубежной политической науке понятие «информационная сила» стало производным от терминов «информационное воздействие», «информационная зависимость», «информационная среда» и др.⁴

Обращаясь к работам классиков-создателей теории информационного общества (Д. Белла, М. Кастельса и Ю. Хабермаса), мы пришли к выводу, что истоки информационной силы следует искать не в сущности глобальной информационной среды⁵, а в

формах и уровнях информационного бытия⁶, среди которых выделяют материально-операционный (информация как вещь, которую можно передавать, хранить, уничтожать, продавать и, наконец, измерять) и семантический (информация как набор знаковых форм, идущих от носителя).

Если исходить из предположения, что информационная сила своими корнями уходит в материально-операционный уровень информационного бытия, тогда её появление стало возможным лишь тогда, когда люди научились адекватно оперировать информационными потоками как специфическим ресурсом, то есть речь идёт о начале XX в. Если же представить, что существование данного феномена стало возможным благодаря семантическому уровню, тогда его появление следует отнести к той эпохе, когда человек впервые научился интерпретировать инфопотоки, то есть к глубокой древности.

Анализ сущности информационной силы раскрывает глубокий дуализм исследуемого феномена. С позиции информационно-кибернетического подхода, основанного на работах К. Дойча⁷, информационная сила предстаёт в качестве *бесконечного, но управляемого потока информационных ресурсов в сфере глобальной политики и международных отношений*. В мировых политических процессах речь может идти о субъекте-носителе информационной силы и объекте, в отношении которого она прилагается. Если же опираться на коммуникативный подход Ю. Хабермаса⁸, то информационная сила определяется как *совокупность связей и отношений, формирующихся вокруг установленных инфопотоков, связанных с решением определённых политических задач, в том числе и глобальных проблем*. Получается, что в этом случае речь мы

исследователя С. Ширина: *Ширин С.* Фактор внешней среды в современной глобальной системе международных отношений // *Международные процессы*. 2005. Т. 3. № 3 (9). С. 180-184.

² По оценкам экспертов доллар, вложенный в информацию даёт в 10 раз больше прибыли, чем вложенный в нефть.

³ *Nye Jr. J.S., Owens W.A.* America's Information Edge // *Foreign Affairs*. Vol. 75. № 2 (March/April 1996). P. 21-22.

⁴ См.: *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества / Пер. с англ. под ред. Е.Л. Варгановой. М.: Аспект Пресс, 2004.

⁵ Интересный подход к анализу глобального информационного пространства мы обнаруживаем у отечественного

⁶ Подобной точки зрения придерживается Дж. Маккензи: *McKenzie J.* Beyond Information Power // *The Educational Technology Journal*. 2000. Vol. 9. № 9.

⁷ *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1953.

⁸ *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

Политика и общество 2 (110) • 2014

имеем дело с взаимоотношениями международных акторов внутри глобального коммуникационного процесса.

Уместно было бы сказать, что автор термина «информационная сила» Дж. Най-мл. в своих исследованиях никак не раскрывает его сущность и специфику, он лишь указывает, что информационная сила является разновидностью «мягкой силы» (англ. *soft power*) как способности государства (союза, коалиции) достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение, а не подавление⁹. Её появление связывается автором с возникновением асимметричных угроз. При этом концепция Дж. Най-мл. основывается на банальном тезисе, что телевидение, Интернет, мобильные средства связи способны передавать образ жизни, политическую культуру, демократические нормы и ценности другим народам и способствовать подсознательному приобщению к ним¹⁰.

Последователи Най-мл. Р. Соломон¹¹, У. Ристон¹² и Дж. Шульц¹³ указывают, что информационная сила является следствием феномена «виртуальной дипломатии», при котором политическая информация становится такой же ценностью как и другие ресурсы.

Оппоненты Дж. Най-мл. (Д. Роткоф и М. Либики) склонны считать, что информационная сила стала возможным благодаря росту жёсткой зависимости субъектов международных отношений от автоматизированных информационно-коммуникационных систем¹⁴. По мнению их единомышленников, присутствие информационной силы приводит к децентрализации государственной власти, дезинтеграции общества, ускорению развития, виртуализации жизни, асимметрии между экономической и политической составля-

ющими социума, революции в средствах обеспечения безопасности¹⁵.

Известный американский экономист Д. Роткоф жёстко критикует тезис Дж. Най-мл. об информационном доминировании (англ. *information dominance*) группы акторов в международной политике, опирающемся на преимуществе их информационных систем¹⁶. Ссылаясь на исследования ген. П. Рипера, он пишет, что международный актор не обязательно должен стремиться к доминированию в глобальном информационном пространстве, ему будет достаточно использовать информационную систему более сильного партнёра или коллективную систему, обеспечивающую информационное преимущество в определённом сегменте пространства (в теории международных отношений это явление получило определение «эффект Давида»¹⁷).

Таким образом, критики Дж. Най-мл. при всём уважении к его концепции полагают, что информационная сила по своей сущности ближе к «жёсткой силе» (англ. *hard power*), поскольку в настоящий момент времени мировое сообщество сталкивается с информационными войнами и кампаниями гораздо чаще, чем с информационно-психологическим воздействием.

Дуализм в определении сущности информационной силы характерен для западной политической науки только потому, что большинство зарубежных исследователей рассматривают данный феномен в плоскости «жёсткая сила» – «мягкая сила». Попытка избежать этот «концептуальный тупик» принадлежит российскому политологу Ю. Давыдову, который определяет информационную силу в плоскости «научно-техническая сила» – «идеологическая сила»¹⁸. При этом структура феномена приобретает простран-

⁹ Nye Jr. J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Basic Books, 1990.

¹⁰ Nye Jr. J.S., Owens W.A. Op. cit. P. 23.

¹¹ Solomon R.H. The Information Revolution and International Conflict Management // U.S. Institute of Peace Peacework. № 18 (September 1997).

¹² Wriston W.B. Bits, Bytes, and Diplomacy // U.S. Institute of Peace Peacework. № 18 (September 1997).

¹³ Shultz G.P. Diplomacy in the Information Age // U.S. Institute of Peace Peacework. № 18 (September 1997).

¹⁴ Libicki M.C. Information War, Information Peace // Journal of International Affairs. Vol. 51. № 2 (Spring 1998). P. 411.

¹⁵ Cohen E.A. A Revolution in Warfare // Foreign Affairs. Vol. 75. № 2 (March/April 1996). P. 37-54; Berkowitz Br.D. Information Age Intelligence // Foreign Policy. № 103 (Summer 1996). P. 35-51.

¹⁶ Rothkopf D.J. Cyberpolitik: The Changing Nature of Power in the Information Age // Journal of International Affairs. Vol. 51. № 2 (Spring 1998). P. 325-360.

¹⁷ Kobrin S. Electronic Cash: A Glossary // Foreign Policy. № 107 (Summer 1997). P. 76-77.

¹⁸ Давыдов Ю. Понятие «жёсткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1 (4). С. 74-76.

ственные характеристики, что позволяет нам предложить для анализа механизма информационной силы две парадигмы¹⁹: субъектно-объектную и пространственную.

Информационная сила в субъектно-объектной парадигме представляет собой форму информационного воздействия, под которым в современной когнитивной психологии понимается «целенаправленное производство и распространение специальной информации, оказание непосредственного влияния на функционирование и развитие информационно-психологической среды общества, психику и поведение политической элиты и населения»²⁰.

В международной политике возможны две формы информационного воздействия: непосредственное (контактное) и опосредованное (дистанционное). Последний тип характеризует ситуации, когда невозможен или нежелателен прямой контакт двух соперничающих международных акторов.

Реальный случай использования информационной силы на дистанционном уровне произошёл в 2001 г., когда по данным германских спецслужб Агентство национальной безопасности США, обладая полным набором ключей к программным продуктам фирмы «Майкрософт», получило доступ к зашифрованной информации министерства обороны ФРГ. Стремясь защитить свои национальные секреты, министерство сделало ставку на отечественную криптографическую технику фирмы «Сименс»²¹. При этом продукция компании «Майкрософт» стала весьма доступным информационным оружием, то есть *средством, предназначенным для нанесения противоборствующей стороне максимального урона в ходе информационно-технической или информационно-психологической борьбы*.

Таким образом, необходимо различать технический и психологический уровни информационного воздействия: первый базируется на тех-

нологическом превосходстве одной стороны коммуникационного взаимодействия, а второй на потенциальной психологической уязвимости человека в замкнутой информационной системе, в которой принципиально невозможно отделить дезинформацию от информации. Именно поэтому разрушение коммуникаций противника стало частью обычных войн и основой кибервойн²², а «поражать жизненно важные центры страны сегодня могут уже не только государственные военные структуры, но и неправительственные группировки, а также частные лица»²³. Стоит вспомнить, что война в Ираке 2003 г. начиналась именно с уничтожения войсками США коммуникационных систем противника (телевизионных и радио-центров, средств передачи мобильной связи) и ведением целенаправленной информационной кампании²⁴.

Говоря об информационной силе в субъектно-объектной парадигме, необходимо как можно точнее определить объекты её приложения, а это: 1) массовое индивидуальное сознание граждан, 2) структуры формирования общественного мнения (СМИ, партии, движения, эпистемические сообщества), 3) информационные и психологические ресурсы, 4) информационно-аналитические системы и информационно-технические системы, включающие человека, 5) информационная инфраструктура и деятельность политического актора, 6) социально-политические системы и процессы, 7) международные акторы, системы и процессы.

В международной среде признакам субъекта обладающего информационной силой отвечают следующие акторы: государства и коалиции, международные организации, транснациональные корпорации, виртуальные социальные сообщества (в том числе террористические сетевые структуры), средства массовой информации. Исследователи часто выделяют признаки, показывающие наличие специфического информационно-силового потенциала у международного актора:

1. наличие собственных интересов в глобальном информационном пространстве;

²² Rothkopf D.J. Op. cit.

²³ Браун С. Сила в инструментарии современной дипломатии // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2 (5). С. 12.

²⁴ Най-мл. Дж. После Ирака: мощь и стратегия США // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 3. С. 86-101.

¹⁹ Понятие «парадигма» здесь употребляется в значении концептуальной схемы, модели построения и решения исследовательских проблем.

²⁰ Панарин И.Н. Информационные войны и Россия // Информация. Дипломатия. Психология. М.: «Известия», 2002. С. 145.

²¹ Ранних А.А. Информационная безопасность и дипломатическая служба России // Информация. Дипломатия. Психология. М.: «Известия», 2002. С. 338-340.

Политика и общество 2 (110) • 2014

2. наличие специальных структур, функционально предназначенных для оказания информационного воздействия и уполномоченных на ведение информационного противоборства (войны);
3. под контролем актора находится сегмент информационного пространства, в пределах которого он обладает преимущественным правом устанавливать нормы регулирования движения информационных потоков (на правах собственности, закрепленных нормами национального или международного законодательства, то есть речь идёт о национальном сегменте глобального информационного пространства как части государственной территории);
4. существование в официальной политической идеологии актора положений, допускающих его участие в информационной войне;
5. наличие официальной информационной политики.

Существует также целый ряд «симптомов», по которым можно определить актора, чей информационно-силовой потенциал уступает потенциалу противника. Так, в процессе информационно-силовой коммуникации, то есть соприкосновения интересов в информационном пространстве, более слабый актор часто выдаёт себя поведением, для которого характерно: апелляция к ранее достигнутому соглашениям, принципам и нормам международного права, которое пока не способно адекватно контролировать и регулировать отношения в информационной сфере общества; использование третьей заинтересованной стороны в качестве информационного посредника; создание информационной коалиции, блока или союза; угроза обращения к мировой общественности и т.п. Описанные черты поведения международных акторов в процессе информационно-коммуникационного взаимодействия могут говорить о неспособности субъекта адекватно реагировать на оказанное информационное воздействие. Подобная ситуация сродни той, в которую попадает сторона на переговорном процессе с более сильным соперником²⁵.

Проблема измерения информационной силы в международной политике не разрешима только в рамках субъектно-объектной парадигмы исследо-

вания, поскольку требует длительного соприкосновения акторов. Будучи одной из комплексных форм социально-политической коммуникации, исследуемый нами феномен не поддаётся простейшему системно-коммуникативному анализу ввиду своего непостоянства и природного дуализма.

Используя концепцию коммуникационных процессов канадского исследователя Дж. Томсона, мы выделили семантический, технологический и инфлюентальный (от англ. *influence* – влияние) уровни информационной силы²⁶. Они позволяют выявить наиболее существенные компоненты информационно-коммуникационных процессов, обеспечивают существование информационной силы на международной арене и определяют условия эффективного взаимодействия субъектов политики с их партнёрами или соперниками.

1) Семантический уровень раскрывает зависимость процессов передачи политической информации и возникновения силовой коммуникации между акторами от употребляемых знаково-языковых форм. С этой точки зрения, во внимание принимается способность используемых людьми средств (знаков, символов и слов) сохранять или препятствовать сохранению смысла передаваемой информации, обеспечивать их адекватную интерпретацию реципиентами. Принимаются в расчёт даже невербальные (жесты, мимика, смех, язык этикета и т.п.) средства передачи информации, которые также используются различными международными субъектами²⁷.

2) Технологический уровень – механизм сбора, анализа, хранения, извлечения и передачи политической информации по специфическим каналам коммуникации посредством информационно-технических структур и систем, компьютерных сетей, средств мобильной связи, баз и банков данных субъекта. В настоящий момент существует около десятка разнообразных показателей информационной деятельности международных акторов: индикатор прозрачности, индикатор интерактивности, Индекс информационного общества, Индекс технологического развития, Индекс коммуникационного потенциала средств связи и др. Большая их часть была предложена и разработа-

²⁵ Рубин Дж., Салакюз Дж. Фактор силы в международных переговорах // *Международная жизнь*. 1990. № 3. С. 27-38.

²⁶ *Communication Theory Today* / Ed. by D. Crowley, D. Mitchell. Cambridge, 1995.

²⁷ См.: Уилхем Д. Коммуникация и власть. СПб., 1993.

на сотрудниками Корпорации РЭНД²⁸ и позволяет проводить предварительную оценку информационно-коммуникационного потенциала любого субъекта международных отношений²⁹.

3) Инфлюентальный уровень – возможность актора влиять на сознание и поведение субъектов посредством манипулирования политической информацией. Наиболее распространёнными формами информационного влияния являются дезинформирование, лоббирование, манипулирование, пропаганда, кризисное управление и шантаж.

В целом информационная сила в пространственной парадигме представляет модель-антитезу информационной безопасности: если информационная сила – это действие, то информационная безопасность – это противодействие (рис. 1).

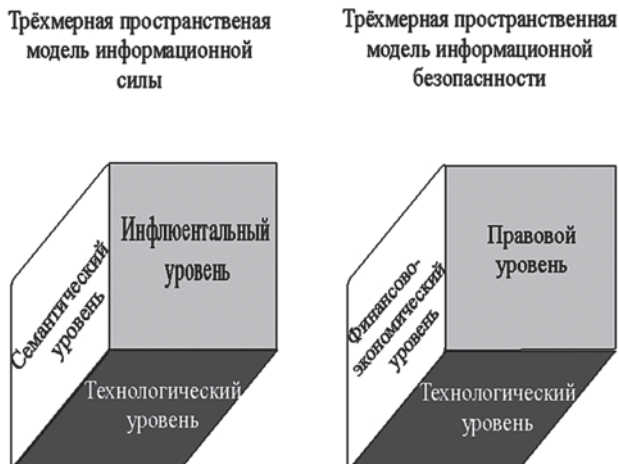

Рисунок 1.
Сопоставление структуры информационной силы и информационной безопасности

Информационные технологии находятся у основания этой модели. Их развитие и распространение стало возможным лишь в эпоху глобализации в рамках формирующегося единого информационного пространства. По мере ста-

новления нового мирового порядка усиливается разрыв в информационно-силовых потенциалах международных акторов, при этом ни один из них не обладает абсолютной монополией на использование информационной силы, адекватными средствами регулирования и контроля за её действием.

Оценка информационно-силового потенциала современной России возможна только на технологическом уровне, поскольку он поддаётся количественному исчислению. Весьма интересным представляется использование разработанной экспертами Национального научного фонда США (U.S. National Science Foundation) системы количественных индикаторов открытости, прозрачности и интерактивности национальных правительств («Индикатор прозрачности управления»)³⁰. Эта система предназначена для экспертизы степени использования информационных и коммуникационных технологий в процессах взаимодействия всех категорий населения, бизнеса и ветвей власти между собой и внутри категории.

Исследовательская группа кибернетической политики Университета Аризоны провела глобальный анализ использования национальными правительствами стран мира электронных технологий в своей деятельности. Полученные в ходе этого исследования данные были использованы для определения количественных показателей:

1) индикатора прозрачности (оценивает в категориях доступности, полноты, актуальности, качества достоверности информацию, которую ведомство предоставляет относительно самого себя);

2) индикатора интерактивности (измеряет удобство использования информации);

3) индикатора открытости (сумма индикаторов прозрачности и интерактивности, умноженная на долю министерств в данном правительстве, которые имеют свой сайт).

Эксперты проанализировали данные более чем двухсот стран, однако количественные данные удалось получить только для половины из них. Ниже представлен фрагмент указанной модели (Табл. 1).

²⁸ Kedzie Ch.R. Communication and Democracy Coincident Revolutions and the Emergent Dictator's Dilemma. RAND, 1997.

²⁹ Смолян Г.Л. Современная Россия и глобальное информационное общество // Информационное общество в России: проблемы становления. М., 2001. С. 6-10.

³⁰ Science and Engineering Indicators – 2000. URL: <http://www.nsf.gov/sbe/srs/seind00/frame.htm>, дата обращения: 18.06.2013.

Таблица 1

Количественные показатели открытости правительств стран мира в 2000 г. («двадцатка лидеров»)

№	Страны мира	Наименование показателей					
		Общее число национальных Web-сайтов	Процент министерств, имеющих собственный Web-сайт	Средняя прозрачность министерств	Средняя интерактивность министерств	Сумма показателей прозрачности и интерактивности	Показатель открытости правительств
1	Дания	29	0,85	14,00	7,40	21,40	18,19
2	Германия	19	1,00	12,00	5,00	17,00	17,00
3	Норвегия	54	1,00	10,00	7,00	17,00	17,00
4	Ирландия	26	1,00	11,50	5,00	16,50	16,50
5	Франция	65	0,95	11,15	6,16	17,31	16,44
6	США	205	1,00	10,33	5,64	15,96	16,44
7	Голландия	44	1,00	9,09	6,00	15,09	15,09
8	Испания	30	0,93	10,00	5,00	15,00	13,93
9	Португалия	48	1,00	10,00	3,90	13,90	13,90
10	Швейцария	50	1,00	8,67	4,50	13,17	13,17
11	Италия	64	1,00	8,75	4,00	12,75	12,75
12	Великобритания	76	0,95	9,10	4,00	13,10	12,50
13	Бразилия	57	1,00	8,25	4,00	12,25	12,25
14	Австрия	58	1,00	8,54	3,50	12,04	12,04
15	Австралия	78	0,90	9,54	3,50	13,04	11,73
16	Мальта	33	1,00	8,00	3,50	11,50	11,50
17	Ю. Корея	22	0,74	10,50	5,00	15,50	11,42
18	Аргентина	44	1,00	7,81	3,35	11,06	11,06
19	Исландия	13	0,83	8,25	4,50	12,75	10,63
20	Тайвань	110	1,00	7,87	2,60	10,47	10,47

Источник данных: *Science and Engineering Indicators – 2000*. URL: <http://www.nsf.gov/sbe/srs/seind00/frame.htm>, дата обращения: 18.06.2013.

Согласно приведённым американскими учёными данным, Россия занимала в 2000 г. лишь 73 место наряду с такими государствами, как Китай, ЮАР, Польша, Болгария, Бангладеш³¹. Если посмотреть значения индекса открытости РФ в 2002 и 2005 гг., то мы заметим, что Россия сделала существенный рывок вперёд и переместилась за 5 лет на 65 место, догнав Монако, Япо-

нию и Китай³². Заметим, что наибольший потенциал информационного развития имеют на 2013 г. Тайвань, Япония, Сингапур, Тайланд, Китай. Учитывая тенденции информационного развития мы предлагаем выделять 3 уровня стран: 1 уровень – страны с индексом открытости больше 10, 2 уровень – страны с индексом открытости от 4 до 10, 3 уровень – страны с индексом открытости от 1 до 4. Результатом измерения информационно-силового потенциала ведущих стран мира может быть модель, представленная на рисунке 2.

³¹ По данным американских исследователей Ф. Родригеса и Е. Уилсона из Университета штата Мэриленд, которые проводили оценку уровня технологической оснащённости с использованием предложенного ими Индекса технологического прогресса, Россия занимала в 2002 г. 53 место: URL: <http://www.nsf.gov/sbe/srs/stats.htm>, дата обращения: 18.06.2013.

³² Гантц Д.Ф. Индекс информационного общества // Новое время. 31.03.2002.

Рисунок 2.

Классификация стран мира по уровню их информационно-силового потенциала

Представленная выше модель информационной силы не является истиной в последней инстанции, она призвана инициировать открытую дискуссию на страницах отечественных академических журналов по информационным аспектам международных отношений. С долей уверенности можно утверждать, что информационная сила стимулирует процессы формирования нового измерения международной политики, в котором информация сможет либо ликвидировать, либо увеличить разрыв в развитии акторов, приведя в движение всю международную систему, направление которого будет зависеть в большей степени от грамотно спланированной информационной политики её субъектов.

Библиография:

1. Браун С. Сила в инструментарии современной дипломатии [Текст] / С. Браун // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – № 2 (5). – С. 4-20.
2. Гантц Д.Ф. Индекс информационного общества [Текст] / Д.Ф. Гантц // Новое время. – 31.03.2002.
3. Давыдов Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений [Текст] / Ю. Давыдов // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – № 1 (4). – С. 69-80.
4. Зобнин А.В. Информационная сила в международной политике: основы анализа [Текст] / А.В. Зобнин // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: Материалы 4-го Конвента РАМИ. В 10 т. Москва, 22-23 сентября 2006 г. / Под ред. А.Ю. Мельвиля. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – Т. 6. – С. 50-59.
5. Зобнин А.В. Теория и методология анализа международных консультаций [Текст] / А.В. Зобнин. – Иваново: Издательство «Ивановский государственный университет», 2008. – 160 с.
6. Кастельс М. Становление общества сетевых структур [Текст] / М. Кастельс // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 494-505.
7. Най-мл. Дж. После Ирака: мощь и стратегия США [Текст] / Дж. Най-мл. // Россия в глобальной политике. – 2003. – Т. 1. – № 3. – С. 86-101.
8. Панарин И.Н. Информационные войны и Россия [Текст] / И.Н. Панарин // Информация. Дипломатия. Психология / Отв. ред. Ю.Б. Кашлева. – М.: «Известия», 2002. – С. 130-159.

Политика и общество 2 (110) • 2014

9. Ранних А.А. Информационная безопасность и дипломатическая служба России [Текст] / А.А. Ранних // Информация. Дипломатия. Психология / Отв. ред. Ю.Б. Кашлев. – М.: «Известия», 2002. – С. 336-346.
10. Рубин Дж. Фактор силы в международных переговорах [Текст] / Дж. Рубин, Дж. Салакюз // Международная жизнь. – 1990. – № 3. – С. 27-38.
11. Смолян Г.Л. Современная Россия и глобальное информационное общество [Текст] / Г.Л. Смолян // Информационное общество в России: проблемы становления. – М., 2001. – С. 6-10.
12. Уилхем Д. Коммуникация и власть [Текст] / Д. Уилхем. – СПб.: ТОО «ПНД–Систем», 1993. – 144 с.
13. Уэбстер Ф. Теории информационного общества [Текст] / Ф. Уэбстер; пер. с англ. под ред. Е.Л. Варгановой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
14. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст] / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
15. Ширин С. Фактор внешней среды в современной глобальной системе международных отношений [Текст] / С. Ширин // Международные процессы. – 2005. – Т. 3. – № 3 (9). – С. 180-184.
16. Berkowitz Br.D. Information Age Intelligence [Text] / Br.D. Berkowitz // Foreign Policy. – № 103 (Summer 1996). – P. 35-51.
17. Cohen E.A. A Revolution in Warfare [Text] / E.A. Cohen // Foreign Affairs. – Vol. 75. – № 2 (March/April 1996). – P. 37-54.
18. Communication Theory Today [Text] / Ed. by D. Crowley, D. Mitchell. – Cambridge: Polity Press, 1995. – 275 p.
19. Deutsch K. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality [Text] / K. Deutsch. – Cambridge (Mass.): MIT Press, 1953. – 313 p.
20. Kedzie Ch.R. Communication and Democracy Coincident Revolutions and the Emergent Dictator's Dilemma [Text] / Ch.R. Kedzie. – RAND: RAND Graduate School, 1997. – 97 p.
21. Kobrin S. Electronic Cash: A Glossary [Text] / S. Kobrin // Foreign Policy. – № 107 (Summer 1997). – P. 76-77.
22. Libicki M.C. Information War, Information Peace [Text] / M.C. Libicki // Journal of International Affairs. – Vol. 51. – № 2 (Spring 1998). – P. 411-415.
23. McKenzie J. Beyond Information Power [Text] / J. McKenzie // The Educational Technology Journal. – 2000. – Vol. 9. – № 9. – P. 18-26.
24. Nye Jr. J.S. America's Information Edge [Text] / J.S. Nye Jr., W.A. Owens // Foreign Affairs. – Vol. 75. – № 2 (March/April 1996). – P. 21-22.
25. Nye Jr. J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power [Text] / J.S. Nye Jr. – N.Y.: Basic Books, 1990. – 336 p.
26. Rothkopf D.J. Cyberpolitik: The Changing Nature of Power in the Information Age [Text] / D.J. Rothkopf // Journal of International Affairs. – Vol. 51. – № 2 (Spring 1998). – P. 325-360.
27. Shultz G.P. Diplomacy in the Information Age [Text] / G.P. Shultz // U.S. Institute of Peace Peacework. – № 18 (September 1997). – P. 12-17.
28. Solomon R.H. The Information Revolution and International Conflict Management [Text] / R.H. Solomon // U.S. Institute of Peace Peacework. – № 18 (September 1997). – P. 1-6.
29. Wriston W.B. Bits, Bytes, and Diplomacy [Text] / W.B. Wriston // U.S. Institute of Peace Peacework. – № 18 (September 1997). – P. 6-12.
30. Борисенков А.А. О мировой политике как особой разновидности политического влияния // NB: Проблемы общества и политики. – 2013. – 2. – С. 1-22. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_61.html
31. Владимирова Т.В. К социальной природе понятия «информационная безопасность» // NB: Национальная безопасность. – 2013. – 4. – С. 78-95. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_596.html

References (transliteration):

1. Braun S. Sila v instrumentarii sovremennoi diplomatii [Tekst] / S. Braun // Mezhdunarodnye protsessy. – 2004. – Т. 2. – № 2 (5). – С. 4-20.
2. Gantts D.F. Indeks informatsionnogo obshchestva [Tekst] / D.F. Gantts // Novoe vremya. – 31.03.2002.
3. Davydov Yu. Ponyatie «zhestkoi» i «myagkoi» sily v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Tekst] / Yu. Davydov // Mezhdunarodnye protsessy. – 2004. – Т. 2. – № 1 (4). – С. 69-80.
4. Zobnin A.V. Informatsionnaya sila v mezhdunarodnoi politike: osnovy analiza [Tekst] / A.V. Zobnin // Prostranstvo i vremya v mirovoi politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh: Materialy 4-go Konventa RAMI. V 10 t. Moskva, 22-23 sentyabrya 2006 g. / Pod red. A.Yu. Mel'vilya. – М.: MGIMO-Universitet, 2007. – Т. 6. – С. 50-59.

5. Zobnin A.V. Teoriya i metodologiya analiza mezhdunarodnykh konsul'tatsii [Tekst] / A.V. Zobnin. – Ivanovo: Izdatel'stvo «Ivanovskii gosudarstvennyi universitet», 2008. – 160 s.
6. Kastel's M. Stanovlenie obshchestva setevykh struktur [Tekst] / M. Kas-tel's // Novaya industrial'naya volna na Zapade. Antologiya / Pod red. V.L. Inozemtseva. – M.: Academia, 1999. – S. 494-505.
7. Nai-ml. Dzh. Posle Iraka: moshch' i strategiya SShA [Tekst] / Dzh. Nai-ml. // Rossiya v global'noi politike. – 2003. – T. 1. – № 3. – S. 86-101.
8. Panarin I.N. Informatsionnye voiny i Rossiya [Tekst] / I.N. Panarin // Informatsiya. Diplomatiya. Psikhologiya / Otv. red. Yu.B. Kashleva. – M.: «Izvestiya», 2002. – S. 130-159.
9. Rannikh A.A. Informatsionnaya bezopasnost' i diplomaticheskaya sluzhba Rossii [Tekst] / A.A. Rannikh // Informatsiya. Diplomatiya. Psikhologiya / Otv. red. Yu.B. Kashlev. – M.: «Izvestiya», 2002. – S. 336-346.
10. Rubin Dzh. Faktor sily v mezhdunarodnykh peregovorakh [Tekst] / Dzh. Rubin, Dzh. Salakyuz // Mezhdunarodnaya zhizn'. – 1990. – № 3. – S. 27-38.
11. Smolyan G.L. Sovremennaya Rossiya i global'noe informatsionnoe obshchestvo [Tekst] / G.L. Smolyan // Informatsionnoe obshchestvo v Rossii: problemy stanovleniya. – M., 2001. – S. 6-10.
12. Uilkhem D. Kommunikatsiya i vlast' [Tekst] / D. Uilkhem. – SPb.: TOO «PND–Sistem», 1993. – 144 s.
13. Uebster F. Teorii informatsionnogo obshchestva [Tekst] / F. Uebster; per. s angl. pod red. E.L. Vartanovoi. – M.: Aspekt Press, 2004. – 400 s.
14. Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie [Tekst] / Yu. Khabermas. – SPb.: Nauka, 2000. – 380 s.
15. Shirin S. Faktor vneshnei sredy v sovremennoi global'noi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii [Tekst] / S. Shirin // Mezhdunarodnye protsessy. – 2005. – T. 3. – № 3 (9). – S. 180-184.
16. Berkowitz Br.D. Information Age Intelligence [Text] / Br.D. Berkowitz // Foreign Policy. – № 103 (Summer 1996). – P. 35-51.
17. Cohen E.A. A Revolution in Warfare [Text] / E.A. Cohen // Foreign Affairs. – Vol. 75. – № 2 (March/April 1996). – P. 37-54.
18. Deutsch K. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality [Text] / K. Deutsch. – Cambridge (Mass.): MIT Press, 1953. – 313 p.
19. Kedzie Ch.R. Communication and Democracy Coincident Revolutions and the Emergent Dictator's Dilemma [Text] / Ch.R. Kedzie. – RAND: RAND Graduate School, 1997. – 97 p.
20. Kobrin S. Electronic Cash: A Glossary [Text] / S. Kobrin // Foreign Policy. – № 107 (Summer 1997). – P. 76-77.
21. Libicki M.C. Information War, Information Peace [Text] / M.C. Libicki // Journal of International Affairs. – Vol. 51. – № 2 (Spring 1998). – P. 411-415.
22. McKenzie J. Beyond Information Power [Text] / J. McKenzie // The Educational Technology Journal. – 2000. – Vol. 9. – № 9. – P. 18-26.
23. Nye Jr. J.S. America's Information Edge [Text] / J.S. Nye Jr., W.A. Owens // Foreign Affairs. – Vol. 75. – № 2 (March/April 1996). – P. 21-22.
24. Nye Jr. J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power [Text] / J.S. Nye Jr. – N.Y.: Basic Books, 1990. – 336 p.
25. Rothkopf D.J. Cyberpolitik: The Changing Nature of Power in the Information Age [Text] / D.J. Rothkopf // Journal of International Affairs. – Vol. 51. – № 2 (Spring 1998). – P. 325-360.
26. Shultz G.P. Diplomacy in the Information Age [Text] / G.P. Shultz // U.S. Institute of Peace Peacework. – № 18 (September 1997). – P. 12-17.
27. Solomon R.H. The Information Revolution and International Conflict Management [Text] / R.H. Solomon // U.S. Institute of Peace Peacework. – № 18 (September 1997). – P. 1-6.
28. Wriston W.B. Bits, Bytes, and Diplomacy [Text] / W.B. Wriston // U.S. Institute of Peace Peacework. – № 18 (September 1997). – P. 6-12.
29. Borisenkov A.A. O mirovoi politike kak osoboi raznovidnosti politicheskogo vliyaniya // NB: Problemy obshchestva i politiki. – 2013. – 2. – С. 1-22. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_61.html
30. Vladimirova T.V. K sotsial'noi prirode ponyatiya «informatsionnaya bezopasnost'» // NB: Natsional'naya bezopasnost'. – 2013. – 4. – С. 78-95. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_596.html